

А. К. Жолковский*
(Лос-Анджелес)

К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ПОСЛЕДНИХ СЛОВ ЧЕХОВА

A b s t r a c t. The essay focuses on the two readings of Anton Chekhov's famous last, — actually, penultimate — statement: the traditionally accepted *Ich sterbe* (German, *lit.* «I die») and the sometimes insidiously suggested *Ekh, sterva* (Russian, *approx.* «Damn bitch»). A detailed argument is offered to support the claim that the near homonyms *sterbe* and *sterva* are etymologically related.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Чехов, последние слова, *sterben*, этимология, словари

1

В юбилейном эссе о Чехове Андрей Битов писал:

«Их штербе», — сказал Чехов, умирая.

Это очень волнует праздный русский ум: почему по-немецки?

Отрезвляя гипотезы, я утверждал, что потому, что доктор рядом был немец, и он сообщил ему свое мнение как врач врачу.

Недавно я услышал даже, что он сказал чисто по-русски: «Эх, стерва!», — имея в виду то ли жизнь, то ли жену (Битов 2004: 15).

Знаменитое *Ich sterbe* было не последней, а предпоследней фразой Чехова, и не столько формулировкой собственного мнения, сколько подтверждением, что диагноз, сообщенный ему доктором Швёером в особом профессиональном коде, понят:

Согласно русскому и немецкому врачебному этикету, находясь у смертного одра коллеги и видя, что на спасение нет никакой надежды, врач должен поднести ему шампанского. Швёер, проверив у Антона пульс, велел подать бутылку. Антон приподнялся на постели и громко произнес: «*Ich sterbe*» [Я умираю]. Выпив бокал до дна, он с улыбкой сказал: «Давно я не пил шампанского», повернулся на левый бок (...) и тихо уснул (Рейфилд 2005: 777)¹.

¹ Рейфилд следует здесь за воспоминаниями вдовы писателя:

Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолк навсегда (Книппер-Чехова 1952/1986: 632).

Последняя реплика, о шампанском, была вполне в чеховском духе иронической десакрализации смерти. Вспомним (помимо многочисленных «Умри..!» в «Ионыче»):

телеграмму в «Душечке»: «Иван Петрович скончался сегодня скоропостижно сучала ждем распоряжений хохороны вторник» (Чехов, 10: 105); и слова Буркина в «Человеке в футляре»: «Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие» (Чехов, 10: 53).

Предпоследняя же, про *итербе*, отличалась некоторой ученической старательностью, — немецким Чехов владел слабо². Именно в таком ключе — с поистине нечеловеческим усилием — произносит эту фразу говорящая собака Брунгильда в фельетоне Ильфа и Петрова «Их бин с головы до ног» (1932), где игра с ситуацией чеховской смерти очевидна:

Потом собака с большими перерывами произнесла слова «абер», «унзер», и «брудер». Затем она повалилась **бок**ом на песок, долго думала и наконец сказала: «Их штербе» (Ильф, Петров 1989: 224—225).

Кстати, Ильф выдержал рискованную ироническую мину до конца.

За несколько дней до смерти, сидя в ресторане, он взял в руки бокал и грустно сострил:

— Шампанское марки «Ich sterbe»... Как известно, «Ich sterbe» были последние слова А. П. Чехова, тоже скончавшегося от туберкулеза (Ардов 1963: 210).

Так что конкуренция у Битова была серьезная, почему он, наверное, и считал необходимым по-чеховски, если не по-хармсовски, травестировать предсмертный номер Чехова — с опорой на околомитературный фольклор. Ср.:

М. Ф. Андреева сказала, что Горький не верил Книпперше, будто Чехов, умирая, произнес: «Ich sterbe»³. На самом деле он, по словам Горь-

² «Он очень мало знал по-немецки» (Книппер-Чехова 1952/1986: 632).

«[Он] произнес несколько существительных, перепутав артикли (...) по-немецки не говорит вовсе (...) [В] гимназии (...) Чехов имел по немецкому языку пятерку (высший балл!). Я, однако, могу решительно заявить, что Чехов не знал немецкого языка. (...) Возможно, после своего брака с Книппер он выучил несколько обрывочных разговорных фраз; ведь последние его слова, обращенные к доктору Швёеру, были: “Ich sterbe”. Как же могло случиться, что по окончании гимназии он имел пятерку?.. Да очень просто: немецкий и французский преподают в провинции с немыслимой небрежностью» (Фидлер 2008: 109, 379).

³ Единственное свидетельство о произнесении Чеховым этих слов принадлежит его вдове; в воспоминаниях третьего (наряду с ней и доктором Швёером) лица, при-

кого, сказал: «Ах ты, стерва!» М. Ф. не любила Чехова⁴ (Чуковский 1994: 167).

Кем бы ни был придуман этот двуязычный каламбур, построен он, надо сказать, здорово, причем не только в литературном, но и в лингвистическом отношении, о чем сочинившие и повторявшие его, возможно, не подозревали.

2

В современном русском языке корень **СТЕРВ-** представлен семантически компактным и энергичным словарным гнездом: существительными *стерва*, *стервочка*, *стервоза*, *стервец*, *стервятинина*, *стервятник*, *остервенение*, *остервенелость*, глаголами *(о)стервенеть*, *(о)стервенить(ся)*, прилагательными *остервенелый*, *стервозный*, наречиями *стервозно*, *остервенело* (БТСРЯ). Эти полтора десятка лексем окружены единым, отчетливо негативным смысловым ореолом, обозначая людей, действия и состояния, которые характеризуются неприятным агрессивным напором. Таковы внушающее тревогу человеческое, животное или природное неистовство (*стервенеть*, *остервенелый*), открыто осуждаемые человеческие подлость и некоторый надрыв (*стерва*, *стервец*, *стервятник* в переносном смысле) и с брезгливостью констатируемый звериный вкус к падали (*стервятник* в основном значении). Хотя ни одно из трех значений не воспринимается как семантически основное и исходное, естественным кандидатом является самое физически конкретное, связанное со *стервятининой* (БТСРЯ: ‘мясо дохлого животного, падаль’). Тем не менее система семантических связей, организующих этот участок словаря, остается (если не считать его очевидной общей негативности) неявной.

Словари конца, середины и первой половины XX в. (СРЯЕ; ССРЛЯ; СРЯО; ТСРЯ), призванные отразить языковое сознание как нашего с Битовым поколения (если ориентироваться на годы их издания и примеры из Панферова и Коптяевой), так и чеховского (ср. примеры из Мамина-Сибиряка, Горького, Куприна, Помяловского и Толстого), дают несколько более сложную, но и более связную картину. В них *стерва* в бранном просторечном значении «гадкая баба, подлый человек, мерзкое существо» зани-

существовавшего при смерти Чехова, молодого студента Льва Львовича Рабенека, свойственника О. Л. Книппер, немецкая реплика не фигурирует, — возможно, потому, что именно в этот момент он был отправлен за шампанским, см. (Rabeneck 1958: 4).

⁴ Еще при жизни Чехова М. Ф. Андреева (будущая жена Горького) и О. Л. Книппер, актрисы Художественного театра, враждовали, будучи соперницами по сцене (Рейфилд 2005: 690, 721, 742, 747, 761, 768, 821).

мает второе место, а первое, хотя и с пометой *Устар.*, отведено значению «труп животного, падаль» (являющемуся также единственным значением собирательного *стерво*), а рядом располагаются слова *стервёнок* «негодник, сорванец» и *стервоядные* «животные, питающиеся трупами, падалью, стервою»⁵.

Сложность в том, что возникает вопрос о соотношении двух значений *стервы* — старинного «падаль» и нового «гадина»: мыслится ли *стерва* в бранном смысле как своего рода *падаль* (ср. бранное *дрянь*) или как своего рода *стервятница*? Характерная для *стервы* отталкивающая агрессивность, пронизывающая все словарное гнездо (ср. *остервенение*), и наличие слов *стервец* и *стервёнок*, перебрасывающих смысловый мостик к *стервятине*, *стервятнику* и вообще *стервоядности*, говорят в пользу второго решения. Но это значит, что переносное ругательное значение слова *стерва* не сосуществовало на протяжении веков с описательным буквальным в качестве его непосредственного производного, а развилось сравнительно поздно, проделав, подобно *стервцу* и *стервёнку* и, возможно, вслед за ними некоторый семантический маршрут. Одной из вех на этом пути могло быть слово *стервоза* — шутовское бурсацкое образование с «ученым» — латинским — суффиксом.

Очередной шаг почти на век назад, к словарю Даля (ТСЖВЯ), более или менее подтверждает такую реконструкцию.

СТЁРВА ж. и *стерво* ср. — труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина, дохлятина, упадь, дохлая, палая скотина. *Ныне корова, завтра стерва*. *Стервяной*, ко стерву относящ. *Стервятина*, падалина, мертвечина, мясо палого животного. *Стервятник* или *стервяник*, медведь самой крупной породы, охотнее прочих питающийся падалью {...} || *Пск.* бранное также *стервень*, *стервюжник*, бешеный сорванец, неистовый буян. *Стервятничье* логово. || *Стервятник*, большой черный орел, могильник, следящий стаями за гуртами и войсками. *Стервоядные* животные. *Стервенеть*, *стервениться*, стать, приходиться в остервененье, в бешенство, неистовство, ярость, зверство; начать остервеняться» (ТСЖВЯ, 3: 323).

Ругательные *стерва*, *стервец*, *стервоза* тут отсутствуют, но есть *стервень* и *стервюжник*, люди, чье буйство понятным образом связывается (как и в словах типа *остервенение*) со зверством *стервятников* и *стервоядных*⁶.

⁵ *Стерва* (и *стерво*), «труп животного, падаль», есть и в (НСРЯ, 2: 740) — в качестве отдельной (от *стерва*, «подлый человек») лексемы. А в (СРЯО), напротив, *стервы* нет ни в одном из значений (из существительных есть только *стервец* и *стервятник*; с. 709).

⁶ У Пушкина, то есть несколькими десятилетиями раньше, встречаются лишь формы, начинающиеся на *о-*: *остервенелый*, *остервенение*, *остервенить*, *остервениться* (СЯП, 3: 173), — нет ни *стерв*, ни *стервятников*.

Аналогичная, но еще более бедная картина налицо в конце XVIII в. (САР), где есть *стерво / стерва* («труп»), *стервятинина*, *стервенею*, *остервеняю*, *остервеняюсь*, *остервенение*, но нет переносных бранных значений, каковые, по-видимому, появляются (или, во всяком случае, замечаются литераторами и лексикографами) лишь во второй половине XIX в. Многообещающей подсказкой, с точки зрения будущего развития в сторону ругательной *стервы*, выглядит толкование смысла глагола *остервенять*: «Говоря о некоторых животных, значит: привожу в ярость, располагаю к злодеянию, а паче к жестокости, лютоости» (САР, часть V: 730).

3

У Даля непосредственно перед *СТЕРВОЙ* идет глагол

СТЕРЬНУТЬ *стар.* ⟨...⟩ твердеть, коченеть, терпнуть, тупеть, черстветь, коснеть (ТСЖВЯ, 3: 322),

намечающий этимологический ход от затвердения к околению, а соответствующий ему диалектный глагол совершенного вида

ОСТЕРЬНУТЬ *южн. зап.* окрепнуть, *напр.* после хвори (ТСЖВЯ, 2: 704),

напротив, связывает затвердение с укреплением здоровья.

Промежуточное положение между омертвляющими и оздоравливающими коннотациями корня СТЕРЬ- занимает древнерусское слово *стьрбль* «человек зрелого возраста» и соответствующее прилагательное *стьрблый*. А непосредственно за ними идут *стьрво* и *стьрвь* «труп» и *стьрвеный* «плотоядный» (СДЯ, III, 1: 586—587), причем хищность здесь, по-видимому, не ограничивается поеданием падали, а распространяется на любую добычу, чем, возможно, объясняется развитие семы по-звериному здоровой ярости в словах *остервенение*, *остервенелый* и под. Ср. сходное примирение плоти- и стервоядности в этимологическом комментарии к слову СТЕРВА в новейшем толковом словаре:

СТЕРВА/СТЕРВО — первонач. «остатки, куски мяса домашнего животного, растерзанного диким зверем» (ТСРЯПС: 941).

Вслед за привлечением древнерусских данных естественно обратиться к этимологическим словарям, каковые разворачивают широкую картину славянских, балтийских и других индоевропейских сближений, возводимых к *и.-е. *(S)TER(BH), *(S)TER(P)-* «твердеть, коченеть». У его славянских потомков поражает устойчивость, с одной стороны, семы «мертвое тело, труп», а с другой — «крепкость, здоровье, исцеление». Предположительно к единому этимологическому древу относятся такие разные слова, как русск. *стер-*

вец, стервятник, стервенеть, терпеть, (о)торопеть «выздороветь», сербо-хорв. *острабити* «вылечить», др-русск. *тереба* «треба, жертвоприношение», русск. *теребить* «корчевать», *истреблять*, лат. *torpor* «оцепенение», др-греч. *stereos* «крепкий, твердый», и... нем. *sterben* «умирать» (ЭСРЯП, 2: 382—383; ЭСРЯФ, 2: 144, 3: 756—757, 4: 45—46; ИЭССРЯ, 2: 202; DRLE: 204; Melenciuc, Camenev 2008: 128).

4

Неожиданное появление в этом этимологическом реестре слова *sterben* возвращает нас к предсмертной реплике Чехова. В его ранних рассказах встречаются как *остервенение*, так и *стервец* и *стервоза*.

А вдовица, известное дело (...) Скопидомка (...) Кругом его ощипала (...) Взяла, *стервоза*, да и отпорола его красную подкладку себе на кофту, а вместо красной подкладки серенькую сарпинку подшила («Герой-барыня», 1883; Чехов, 2: 152);

Для портного наступила новая эра. Просыпаясь утром и обводя мутными глазами свой маленький мирок, он уже не плевал с *остервенением*... («Капитанский мундир», 1885; Чехов, 3: 166—167);

Петр Демьяныч взял котенка за шею и потыкал его мордой в мышеловку.

— Гляди, *стервец!* Возьми-ка его, Прасковья, и держи... (...) Когда я выпущу мышь, ты его тотчас же выпускай («Кто виноват?», 1886; Чехов, 5: 459).

Так что сомневаться в знакомстве Чехова с этим словарным гнездом не приходится. Но нет и оснований предполагать у него и у обэриутизовавших его собратьев по перу сознательное владение мощной этимологической клавиатурой. Тем более поражает точность попадания. Ведь перед нами не просто двуязычный каламбур⁷, но и скрытый, уходящий в седую древность, этимологический дублет, то есть — в сравнительно-историческом смысле — одно и то же слово. Как говорил Остап Бендер, «Вас обманули. Вам дали гораздо лучший мех. Это [не мексиканский тушкан, а] шанхайские барсы».

*Ich Sterbe = Эх, стерва!*⁸ Тут и смерть, и неверная жена, которая будет питаться его трупом еще полвека, и окоченение, и надежда окрепнуть, и, значит, *жизнь*, наверное, добавленная Битовым, чтобы смягчить цинизм влагаемой в уста умирающему классику хохмы. Интересно, знал ли он, что

⁷ Двуязычные каламбуры могут быть очень изысканными, ср. мандельштамовские строчки типа *Фета жирный карандаш*, где под сурдинку звучит нем. *fett* «жирный» (Левинтон 1979).

⁸ Еще один вариант русского осмысления этой реплики, «Ишь, стерва!» (встречающийся в блогах), учитывает почти шипящее произношение согласного [x] в *Ich*, особенно в некоторых диалектах.

доктор Йозеф Швёер был пророчески женат на Елизавете Васильевне Живаго?⁹

Л и т е р а т у р а

- Ардов 1963 — *Ардов В. Е.* Чудодеи // Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове / Сост. Г. Мунблит, А. Раскин. М.: Сов. пис., 1963. С. 187—219.
- Битов 2004 — *Битов А. Г.* Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин (Автобиография) // Четырежды Чехов. Сборник / Сост. И. Клех. М.: Запасный выход, 2004. С. 5—16.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000.
- ИЭССРЯ — Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. / Сост. П. Я. Черных. М.: Рус. яз., 1994.
- Ильф, Петров 1989 — *Ильф И. А., Петров Е. П.* Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска. Рассказы, фельетоны, очерки, пьесы, сценарии / Подг. М. Долинский. М.: Книжная палата, 1989.
- Книппер-Чехова 1952/1986 — *Книппер-Чехова О. Л.* О А. П. Чехове // Чехов в воспоминаниях современников / Сост. Н. И. Гитович. М.: Худ. лит., 1986. С. 612—632.
- Левинтон 1979 — *Левинтон Г. А.* Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния: (Язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы. Тарту: ТГУ, 1979.
- НСРЯ — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Рейфилд 2005 — *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. О. Макаровой. М.: Независимая Газета, 2005.
- САР — Словарь Академии Российской [1789—1794]: В 6 т. Репринт: М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2005.
- СДЯ — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка [1893—1912]. Репринт. М.: Книга, 1989.
- СРЯЕ — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984.
- СРЯО — Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. 3-е изд. М., 1953.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М.: АН СССР, 1948—1965.
- СЯП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Сост. С. И. Бернштейн и др. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956—1961.
- Толстая 2002 — *Толстая Е.* Поэтика раздражения. Чехов в конце 1880 — начале 1890-х годов. М.: РГГУ, 2002.

⁹ См.: (Rabeneck 1958: 3; или Рабенец 1958: 31), а также письмо Чехова В. М. Соболевскому из Баденвейлера, 12(25) июля 1904 г.: «Лечит меня здесь хороший врач, умный и знающий. Это доктор Schwoeger, женатый на нашей московской Живаго» (Чехов, Письма, 12: 121); о возможной опоре пастернаковского романа на чеховскую традицию см. (Толстая 2002: 248).

- ТСЖВЯ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [1863—1882]. Репринт. М.: Русский язык, 1978—1980.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935—1940.
- ТСРЯПС — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
- Фидлер 2008 — *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Пер. К. М. Азадовского. М.: НЛО, 2008.
- Чехов — *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974—1982.
- Чуковский 1994 — *Чуковский К. И.* Дневник. 1930—1969. М.: Совр. пис., 1994.
- ЭСРЯП — Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / Сост. А. Г. Преображенский. М.: Типогр. Г. Лиснера и Д. Совко, 1914.
- ЭСРЯФ — Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973.
- DRLE — *D'Hauterive, R. Grandsaignes.* Dictionnaire des Racines des Langues Européennes. Paris: Larousse, 1948.
- Melenciuc, Camenev 2008 — *Melenciuc D., Camenev Z.* Semantic change of lexical units and their semantic field // *La francopolyphonie: les valeurs de la francophonie* / Ed. P. Morel. Chişinău:ULIM, 2008. P. 127—133.
- Rabeneck 1958 — *Rabeneck L.* Chekhov's Last Moments [1958] / Trans. H. Pitcher // *The Bulletin of the North American Chekhov Society.* 13 (1) (Summer 2005): 1—7. [*Рабенец Л. Л.* Последние минуты Чехова // *Возрождение* (Париж, 1958) 84 (12): 28—35.]